

А.С. Демин
ИНДИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: Цель статьи — выделить предметно-изобразительные мотивы в цельных древнерусских текстах об Индии. Таких литературно значимых произведений не так уж много, а развернутых описаний и того меньше. Самый древний фантастический мотив об Индии как об опасной стране появился на Руси в XI в. в историко-географических памятниках: «Хронике» Георгия Амартола и в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова — и был продолжен в переведенном в первой трети XVI в. «Луцидариусе». Индия условная предстает в «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Повести о Еруслане». В хронографической и сербской «Александрии», «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, «Космографии» в 76 главах наблюдается сочетание фантастических и реалистических описаний в индийских сюжетах. В списке начала XVI в. «Сказания об Индийском царстве» появляются военные и защитные мотивы, вызванные суровыми историческими событиями на Руси. В целом, с XI по XVII вв. в литературных произведениях Древней Руси Индия с предметно-изобразительной точки зрения представлялась крайне опасной, неприятной и неуютной страной, несмотря на ее подавляющее каменное и фруктовое богатство. Так и должно было быть: ведь Индия находилась ближе всех к земному раю и наряду с другими бесчеловечными объектами у рая преграждала к нему путь.

Ключевые слова: древнерусская литература, Индия, предметно-изобразительные мотивы, предметно-бытовые детали.

Anatoly S. Demin
INDIA IN OLD RUSSIAN LITERATURE

Abstract: The article examines India in Old Russian literature. The purpose of the article is to highlight subject-pictorial motifs in the whole Old Russian texts about India. There are not so many such works of literary significance, and even fewer detailed descriptions. The oldest fantastic motif about India as a dangerous country appeared in Rus' in the 11th century in historical and geographical monuments: *Chronicle* by Georgy Amartol and in *Christian Topography* by Kozma Indikoplov — and was continued in translated in the

first third of the 16th century *Lucidaris*. Conditional India appears in *The Tale of Barlaam and Joasaph* and *The Tale of Eruslan*. In the chronographic and Serbian *Alexandria*, *Journey Beyond the Three Seas* by Afanasy Nikitin, *Cosmography* in 76 chapters, a combination of fantastic and realistic descriptions in Indian plots is observed. Listed in the early 16th century *The Tales of the Indian Kingdom* appear military and defensive motives caused by harsh historical events in Rus'. In general, from the 11th to the 17th centuries in the literary works of Old Rus' India, from a subject-pictorial point of view, seemed to be an extremely dangerous, unpleasant and uncomfortable country, despite its overwhelming stone, fruit and vegetable wealth. And so it should have been: after all, India was closest to the earthly paradise and, along with other inhuman objects near paradise, blocked the path to it.

Keywords: Old Russian literature, India, figurative motifs, household details.

Обзорных работ об Индии в древнерусской литературе предостаточно. В первую очередь укажем на ценные работы М.Н. Сперанского [4], В.К. Шохина [5], А.А. Вигасина [2], Л.О. Свиридовой [3]. Историография же текстологических, философских, фольклористических, лингвистических и прочих исследований о соответствующих памятниках, как правило, переводных, необозрима. Что-то новое и интересное для нас сейчас, по нашему мнению, можно добавить, обратив внимание, в частности, на изобразительную сторону, если она есть в древнерусских рассказах, так или иначе касающихся Индии, или хотя бы выделить предметно-изобразительные мотивы в каждом цельном тексте об Индии.

Таких литературно значимых произведений не так уж много, а развернутых описаний и того меньше. Сразу видно, что в памятниках существовало три Индии — условная, фантастическая и реальная.

Сначала появилась Индия фантастическая. Пожалуй, самый древний фантастический мотив об Индии появился в XI в. на Руси в «Хронике» **Георгия Амартола** (список первой трети XIV в. РГБ. Собр. МДА, Фунд., № 100), где однажды в главе 26-й была подчеркнута необычайная величина индийских плодов и животных: «ту, идеже велиции индиистии ореси ражаются» [10, с. 48]; «звер же тои велии, въ реце живии, могъи слона пожрети цела, зане превелии есть зело тои зверь <...>. Но убо и змиеве суть ту въ пустые (пустыне) тыя страны велиции зело, яко локоть седм 10 (70) въ долготу и толъстота велие и страшна <...> и скорпиа паки обретаются лакотници

(в локоть величиной), а мравие — пядници (в пядь) <...> звери ядовита. Слонове же ражаются въ стране тои мнози, яко стадници (стадами) ходять, пасущеса сами» [10, с. 49].

Об этом изобразительном, вероятно, вставном отрывке в «Хронике» можно сказать одно: Индия опасна для человека.

В «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова конца XII — начала XIII в. (по списку 1495 г. ГИМ. Собр. А.С. Уварова, № 566) об Индии говорилось больше, чем в «Хронике» Георгия Амартола; есть даже отдельная статья «Слово 11. О животных индийских» [11, с. 287 и след.]. Но этот рассказ фактографичен и чаще сообщал реальные сведения о животных. Фантастическое же замечание об Индии встречается в «Христианской топографии» задолго до «Слова о животных индийских»; говорится о разделении земли между сыновьями Ноя и о бедах при плавании по «океану», в том числе «когда плававшие въ внутреннюю Индию <...> видяхомъ издалеча с десныа страны исходяще множество птичя, их же наричють сусфа. Суть же, яко сугуби скоти, и болше малы, и смрадъ въздушныи многоъ на месте томъ, яко же убоатися всемъ, иже в корабли» [11, с. 65]. Как можно понять, место это тоже опасное и неприятное, подобно Индии в «Хронике» Георгия Амартола.

Таковы глухие опасливые упоминания об Индии в древнейших историко-географических памятниках. Конечно, не одна Индия в те времена относилась к опасным странам.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе»

Теперь об Индии условной. События в этой нравоучительной повести середины XII в. (по списку первой половины XVI в. РГБ. Собр. Т.Ф. Большакова. № 410) разворачиваются в Индии: «Иньдейскаа глаголемая страна далече бо прилежить Егюпта <...> моремъ <...> по суху же приближается къ Персидьстей стране» [16, с. 113]. Несмотря на географически верное упоминание, речь в повести идет о совершенно условной Индии и преимущественно о некоем индийском царе Авенире, очень гневливом. На протяжении всей повести то и дело сообщается: «Царь же <...> гневомъ велиемъ исполнися и яростию разжегся» [16, с. 115]; «царь же <...> применився лицемъ, сущий гневъ в сердци своемъ яви» [16, с. 123]; «царь яростию ражгся, бесуясь» [16, с. 200]; «царь яростию великою

объять, *со гневом* <...> горко зубы скрежеташе, подобяся бесующему» [16, с. 206] и мн. др.

Можно утверждать, что царь не просто гневлив, — он вообще эмоционален. Ведь в конце повести «царь всяко *изумевся* <...> многу *печаль* в душе имый» [16, с. 245]; «царь Авенирь позже в *чювьствие* вшед» [16, с. 249]; и потом «обновився царь Авенирь <...> *радовашеся радости* неизреченною <...> и мыя всегда *слезами* <...> начать боятися и тужити» [16, с. 253].

Конечно, разгадка эмоциональной переменчивости индийского царя крылась в его отношении к христианству: сначала он яростно его преследовал, но затем радостно его принял.

В нашем случае интерес заключается в том, что «Повесть о Варлааме и Иоасафе» вводит не в индийскую тему, а побуждает обратить внимание на традиционный литературный мотив эмоциональности языческих царей и прочих правителей в древнерусской книжности XI–XIII вв., когда эти правители проявляли то или иное отношение к христианству.

Так, например, в цикле древних произведений об апостоле Фоме, посланном проповедовать христианство в Индию (по списку середины XVI в. в «Великих четьих минеях» митрополита Макария), упоминается якобы индийский царь Гоньгафор или Гиндафор. Что делает царь? То «царь растерза си ризы, *вопиа*» [7, стб. 818–819]; «царь рукама ся возби по лицу, исполнися *ярости*» [7, стб. 820]; «царь *разъярився*» [7, стб. 834]; «царь убо несдержимымъ *гневомъ* уязвися» [7, стб. 835]. Но в конце концов «царь же сетоваше <...> *радости* исполнися» [7, стб. 821]; «царю же горко *плакавшюся*» [7, стб. 835]. Перемены в настроении индийского царя, как и в «Повести о Варлааме и Иоасафе», были связаны с признанием христианства.

Но эмоциональны в древнейшей литературе были не только индийские цари. Издавна в житиях и мучениях греческих и иных святых предостаточно было гневливых и раскаявшихся правителей, противников христиан. Приведем только один пример из «Успенского сборника» конца XII — начала XIII в. — «Мучение Иринии Мегирской». Она имела дело аж с четырьмя разными злобными цесарями: один цесарь «яко бо лвъ на ловъ, тако *ярость* его» [21, стб. 143]; другой «раждьжень же бывъ <...> *яростию*» [21, стб. 147]; третий «въскръжьтавъ зубы, яко лвъ» [21, стб. 156] и т. д. А потом «съяте

же ся цесарь» [21, стб. 143]; «възбоя ся цесарь» [21, стб. 150]; «убоявъ же ся цесарь зело» [21, стб. 159] и пр.

Зачем же тогда в «Повести о Варлааме и Иоасафе» надо было переносить события именно в Индию, хотя реально о ней ничего не говорилось? Что касается Руси, то в далекую мифическую Индию было удобно помещать все диковинное, в том числе историю о царевице Иоасафе, которого его отец царь Авенир затворил в специально построенном дворце, обеспечил всем, но велел не рассказывать про плохое в мире: «полату создавъ особъ красну и велию, дома же съ хитростию создавъ, ту отрочя всели <...> ничесо же житиа сего явити ему ни скорбна <...> ни о смерти, ни о старосте, ни о болезни, ни о нищете, ни иная никакая же печале явити ему» [16, с. 120]. То есть Иоасафу была обеспечена в некотором роде жизнь рахман, только во дворце, но под наблюдением гневливого царя.

Иоасаф же неожиданно выбрал жизнь «блаженных», «без удобств», с отдохновением на природе: удалился в пустыню, «седе на земли. Уснувъ мало <...> древа виде всяческая и различна <...>. Листвие же древное с тех сладко простирашеса, духъ тонокъ и насытосно и весело испущающа благоухания подвижима» [16, с. 235]. Тема с «лиственным» близка к рахманской.

«Александрия»

В хронографической «Александрии» XII — первой половины XIII в. сравнительно развитый цельный рассказ, относящийся к Индии, составляет лишь повествование о рахманах. Одним из относительно ранних списков этого рассказа является рукопись конца XV в. (ГИМ. Чудов. собр., № 51/353), содержащая, правда, вторую редакцию «Александрии», но здесь повествование о рахманах полностью повторяет текст первой редакции, дошедшей в более поздних списках, чем вторая редакция (используем данные исследований В.М. Истрина и О.В. Творогова). Поэтому обратимся к Чудовскому тексту.

Принадлежность рахман к Индии высказана в «Александрии» несколько двусмысленно. С одной стороны, рахманы живут непосредственно рядом с Индией: «от Индеи <...> у Ганггиа-реце живуще» [8, с. 198]; «житьи близъ великихъ Индея на реце Гангрии» [8, с. 220]. Но, с другой стороны, рахманы обитают все-таки в Индии, «обону страны Гаинггиа <...> в частех индейских» [8, с. 201]; они тоже индий-

цы: «рахмане саме индеи» [8, с. 205]; «рахмани бо суть сами индии <...> сии же рахмани наречении самии индии» [8, с. 219].

Внешняя жизнь рахман подчеркнута проста: «в нагоде живуще» [8, с. 198]; «в дрязгах (*лесах*) живуще» [8, с. 201]; «под кущами и вертьпехъ живущая» [8, с. 202]; «в пустынях и въ дрязгахъ седяще» [8, с. 214]; рахманам «дрязгы — въ хлевинъ место» [8, с. 213]. Этот мотив в «Александрии» превращался в идиллическую сельскую картинку: «нагы, неодены под кущами въ вертепехъ седяща, а недалече от них видехъ жены и дети, *яко же стада на пастве*» [8, с. 204].

Самый частый предметный мотив о рахманах — листья: «на листвиихъ почиваютъ» [8, с. 201]; «на постеле *листвене*» [8, 209]; «хлевина сиа и *листвие*» [8, с. 209]. Неоднократно изображено возлежание рахман в ворохе листьев: «сладокъ покои *на листвии* имамы и на нихъ почивающе» [8, с. 215]; «въ дрязгахъ бо лежаше въ частыхъ, *въ листвии* почивая <...> ни поне главы своя воздвиже *от листвиа*» [8, с. 208]. Листва входила в лирическую картину всеобщего отдыха рахман: «почиваем *на листвии*, зряще дрязгы и неба, и послушаем гласа птице сладкыи и орля клетканиа, *листвию* же оболчени есмы, и в воздухе живем <...> не много глаголемъ, премолчаваем многа словеса» [8, с. 206] — клекот орлов оттенял это изображение сладостного отдохновения людей в тишине на природе.

Мотив лежания на листьях в древнерусской литературе относился только к нагим «блаженным человекам». Так, в одном из «Хождений» пустынный Изосим был послан к «блаженным», которые сообщили: «в пещерах же нашихъ лежать *листвие* плоско велико нетленьею древяное, на томъ почиваемъ подъ древесы и есмы нази» [20, с. 80]¹. Но эти «блаженные» не имели отношения к Индии, а вышли из Иерусалима.

В общем подобного рода успокоительные мотивы, пожалуй, были более созвучны Руси времени XII в. Кирилла Туровского, хотя и дожили до XV в.

Сербская «Александрия (по списку Ефросина 1490–1491 г. РНБ. Кир.-Бел. собр. № 11/1088) в литературном отношении резко отличается от хронографической «Александрии». Рассмотрим это на примере индийской тематики. Рассказ о рахманах в сербской «Алексан-

---

¹ «Хождение Зосимы к рахманам» по списку XIV в. цит. по: [20].

дрии» минимален, нет в ней и приземленного хронографического сообщения об индийцах, которые «мали и худосилни, в каменных пещерах живуще, иже и лазити видять по стенамъ» [8, с. 195].

Зато об индийском царе Поре узнаем нечто изобразительно интересное. Во-первых, сообщается о внешности Пора: «Каков человек есть Пор? <...> Телом убо велик есть и очима зерк и сожмарлив» [6, с. 53; «ростом велик, глаза узкие, голубые» — в переводе О.В. Творогова; 6, с. 118]. Такова, как можно понять, телесная красота индийского царя.

Во-вторых, красота сохраняется и у убитого Пора: «Александр же <...> тело же Порова взем, на злате столе положи <...> повеле поставити одр злат и конуру (*корону*) велику на главу его положиша» [6, с. 53].

И в-третьих, художественно красив дворец Пора: «Полата же его <...> долга и широка бе, златы же стены и покровены златом, и столпи вси злати, бисером и камением украшени бяху и всех великих царей и боги их исписани бяху в ней, и 12 месяцев в человеческих образах изваяни во злате бяху, и 12 добродетели человеческих во злате изваяни бяху женскими образы, всяка по своему подобию, и часы и имена лунныя сътворены бяху» [6, с. 53].

В хронографической же «Александрии» о статуях и надписях ничего не сообщалось. Новые мотивы красоты персонажей и строений были характерны уже именно для сербской «Александрии», в которой в том числе описывалась яркая внешность и бога Амона, и бога Аполлона, и воинов Александра, и его коня. Сам же Александр изображался неоднократно то сидящим на троне, то переодетым в посольское «одеяние», то в виде портрета, писанного «изографом», то в виде прижизненного памятника и, конечно, всегда красивым и нарядным, так что не одна «царица же красоте образа Александрове подивися» [6, с. 55].

В сербской «Александрии» был заметно усилен и умножен мотив разного рода красивых и величественных столпов, да еще с надписями. Например: «Столп <...> стояше, и на нем образ человекъ во злате изваян <...> и слова греческая на столпе у образа того» [6, с. 40]; или: «комару <...> железну повеле сътворити <...> На комаре же написана словеса греческая» [6, с. 46]; еще: «вся же полата от злата искусна бяхе сътворена, столпови злати и с камением многоценным украшена бяху же» [6, с. 33] и т. д. и т. п.

Далекie страны в сербской «Александрии» стали более цивилизованными и красиво застроенными. Эта тенденция распространилась и на Индию в сербской «Александрии» XV в. — века с развитием хозяйственных тем в древнерусской литературе.

«Сказание об Индийском царстве»

Обычный подход к «Сказанию об Индийском царстве» XIII в. — текстологический. Подробнейшим образом текстологией «Сказания» занимались В.М. Истрин [9] и М.Н. Сперанский [4], а в последнее время А.Г. Бобров [1]. Основная задача текстологов (не компаративистов) — восстановить первоначальный древнерусский текст «Сказания» и охарактеризовать источники и редакторскую работу последующих переписчиков памятника. Однако наш подход иной — анализ списков «Сказания» с точки зрения поэтики, т. е. того, что путного получилось у редакторов в литературном отношении по реально дошедшим спискам XV–XVII вв., не по всем, а наиболее своеобразным.

Начнем, конечно, со списка Ефросина 1490 г. РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088. Давно известно, что «Сказание об Индийском царстве» у Ефросина в основном представляло собой перечень чудес и богатств фантастической Индии. Но Ефросин прослеживал, какие действия, так сказать, экспериментально приводили к проявлению тех или иных чудес.

Чаще всего хождение или передвижение куда-то вело к чудесам и необыкновенностям. Так, Индийское царство таково: «*идти* на едину страну 10 месяць, а на другую *не мощно доитти*, зане же тамо соткнуса небо з землею» [1, с. 284, л. 198]²; «есть <...> море песочное <...> того же моря *не преходить* никаков человекъ ни кораблем, ни которым промыслом» [1, с. 287, л. 199 об.]; «нетъ в <...> земли ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и *воидет*, ту и умрет» [1, с. 287, л. 199 об.]. Некоторые палаты индийские странны: «в тои полате огонь не горить: аще ли *внесут*, в тои часъ огонь погаснет» [1, с. 290, л. 202]; «в тои же <...> полате огонь не горит. Аще внесут, то борзо погаснет» [1, с. 291, л. 202 об.].

Также воззрение на что-то открывало необыкновенности в Индийском царстве: «есть горы пусты высокы, их же верха человеку на

---

² «Сказание об Индийском царстве» по Кирилло-Белозерскому списку с упрощением орфографии цит. по: [1].

моици дозрети, и с техъ горъ течет река под землею невелика, но во едино время разступается земля над рекою тою. И кто, *узревъ*, да борзо воскочит в реку ту» [1, с. 288, л. 200]; «есть горы высоки и толсты, *нелзе* на них человеку *зрети*: ис техъ горъ пылаеть огонь по многим местом» [1, с. 288–289, л. 200 об.]. Есть зримые чудеса и в палатах: «полата злата, в неи же есть зеркало <...>. Кто *зрит* в зеркало, тои видить своя грехи, иже сътворил от юности своя <...>. Близ того другое зеркало <...>. Аще мыслить зло на своего господаря, ино в зеркале том *зримо* лице его бледо, аки не живо. А кто мыслит добро о осподаре своем, ино лице его, в зеркале *зримое*, аки солнце» [1, с. 292, л. 204].

Прочие действия с предметами, ведущие к чудесам, самые разные в списке Ефросина: из реки «что *похватить* и *вынесет* борзо, оже камень, три драгии камень видится, а яже песокъ *похватить*, то великы женчюгъ возмется» [1, с. 288, л. 200 об.]; «*учинена* два яблока златы, в нихже *вковано* по великому каменю самфиру того ради, дабы хоробость наша не оскудела» [1, с. 291, л. 203].

Действия с веществами и жидкостями: «темъ миром в которую версту *помажется* человекъ, старъ или молод, боле того не стареется, а очи его не болят» [1, с. 291, л. 203]; «коркодилъ <...> *помочится* на древо или на ино что, в тои часъ ся огнем сгорит» [1, с. 286, л. 198 об.].

Действия с огнем: «птица финиксъ <...> *приносит* от огня небеснаго <...> сама туто же *сгарает*, и в том же попеле заражается червь <...> и потом та же птица бывает едина» [1, с. 286, л. 198 об. – 199]; «в том огни живут черви, а *без огня* не могут жити <...> жены делают намъ порты; и те порты, коли ся изрудят <...> *вергут* ихъ в огонь, и како *разгорятся*, ини чисти будут» [1, с. 289, л. 201].

Кроме того, наступившая ночь способствовала проявлению чудесности камней: «камень кармакулъ <...> в нощи же светит, аки огонь, горить» [1, с. 287, л. 199]; «стязи <...> с драгими каменми и с великими женчюгы зделани, в *нощи* же светят, аки в день» [1, с. 289, л. 202]; «в *нощи* же светить камень тои драгии, аки день» [1, с. 290, л. 202 об.] и пр.

Изложение чудес Индии по «научному» принципу «если сделать нечто, то произойдет то-то» не было последовательно и совершенно осознанно проведено Ефросином, но все же явилось наметившейся тенденцией. На присутствие такой тенденции именно у Ефросина указывает «Сказание о Дракуле-воеводе», переписанное в сборнике Ефросином сразу же за «Сказанием об Индийском царстве» и уже

последовательно объяснявшее обстоятельства и причины странных поступков Дракулы.

Перейдем к другому, более позднему списку «Сказания об Индийском царстве» — РГБ. Ф. 113: Волоколам. собр., № 309, начала XVI в. Как известно, в Волоколамском списке сохранились вступление и заключение о посольстве греческого царя Мануила к индийскому царю Ивану, и это поменяло смысл памятника, так как добавился новый из основных его мотивов.

Само общение царей получилось отнюдь не дружественным, несмотря на традиционный обмен дарами. Мануил хотел через своего посла выведать «о величесьтви *сылы*» Ивана; прибывший к Ивану греческий посол высокомерно «повеле ему начат глаголати»; Иван оскорбительно ответил Мануилу: «Аще ли хочещи увидети мою *силу* <...> продаи же землю свою греческую всу да приди ко мне сам, послужиши мне, и учину та тебе слугою второго или третаго» [13, л. 1–1 об.]. В результате такой отповеди «потом ины посол не быша в Индеиской земли» [13, л. 7].

В отличие от списка Ефросина, перечни индийских чудес в Волоколамском списке приобрели смысл скрытой угрозы греческому царю. Так, стали телесно опасны для пришельцев странные люди в разных землях Индийского царства: «живуть <...> люди рагаты <...> люди 9-ти сажень <...> люди 6 рук имеютъ <...> люди половина пса, а другая половина человека <...> *люди <...> сильные, лицом бледныи, единъ ударитса на тысящу человекъ*» [13, л. 2] (выделенного курсивом нет в списке Ефросина). Даже птицы агрессивны: «*есть у нас птица нампер; тое птици кости режутъ, всакъ камен и железо*» [13, л. 2 об.]. И вообще, в эту землю лучше не лезть под страхом смерти: «нету же в нашей земли *никова гаду <...> и ни иного чего лихаго; отколе воидет в нашу землю, то скоро умереть*» [13, л. 3].

Бой в Волоколамском списке выглядит истинно жестким: «пойдемъ к *нарочитому бою исту*» [13, л. 4 об.]. У Ефросина же речь шла не о самом бое; он по своему обыкновению пояснил побудительный мотив похода на нужное место: «пойдем на рать, кому хошем болшей работе предати <...> пойдем к нарочиту месту на бои» [13, с. 289, л. 201–201 об.].

В Волоколамском списке была усилена и тема домашней защиты царя: «имею у себя *ложницу* от древа негнеющего <...> *на огне*

не гориты, на воде не тонеть, а не гнееть» [13, л. 5]. Кроме того, в отличие от списка Ефросина, в Волоколамском списке царь не только украшен, но защищен дополнительно: «ворота у соба омею (!) болшая верея от камени драгаго санфира, другоа верея слоновыхх костей; кровля же вратъ моих змеиви рози» [13, л. 5 об.].

И последняя демонстрация и богатства, и силы в Волоколамском списке, отсутствующая в списке у Ефросина: «есть же среди нашего двора стоит сорок столповъ серебряных позлощених; а и в каждом столпе вковано по сороку колець, а у кажнаго кольца по сороку коней, а на тех конех со мною выезжать в поле на всаку утеху» [13, л. 6 об. – 7].

Индийский царь в Волоколамском списке выглядел гораздо суровей, чем в списке Ефросина. Правы В.М. Истрин и М.Н. Сперанский, которые на основе сугубо текстологических данных относили оба эти списка к разным разрядам или типам правки второй редакции «Сказания об Индийском царстве».

Почему «посуровел» индийский царь Иван? Возможный ответ дает Волоколамский сборник. Середину сборника занимает канонник. Но начальные листы 1–7 и конечные листы 336 об.–350 писаны иным почерком и механически обнимают канонник. Если связать эти разделенные листы воедино, то видно, что за «Сказанием об Индийском царстве» следовала краткая летопись на л. 336 об.–339, начинающаяся с сообщения о нападениях на Русь: «В лето 6745 Батыи приходил. В лето 6898 Мамаи приходил. В лето 6909 Тахтомышъ приходил. В лето 6917 Едигеи приходил» [13, л. 336 об.]. И далее: «В лето 6945 бои бысть князем руским на Белеве с Махметем <...>. В лето 6953 бои бысть князю великому Василью под Суздодем с татары» [13, л. 337 об.]; «в лето 6988 приходиль царь Ахмет, стоаль на Угре» [13, л. 339]. Вот и ответ: суровость исторических событий на Руси вплоть до XVI в. вызвала добавление актуальных военных и защитных мотивов в список начала XVI в. «Сказания об Индийском царстве». Чем не новая редакция? Тем более что Волоколамский список «Сказания», по определению В.М. Истрина, «по правописанию список принадлежит к белорусскому письму» [9, с. 2].

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина

Записки Афанасия Никитина XV в. лишь с большой долей условности можно причислить к действительно литературным произве-

дениям. Разве что за необычность реальных деталей, а также за экспрессивность изложения и некоторую «идейность». На самом же деле это памятные заметки делового человека в деловом же стиле. Вот некоторые примеры по списку середины XVI в. в «Львовской летописи» (РНБ. Ф. IV. № 144).

Как, например, купец Афанасий описывал одеяния индусов? Всегда лаконично, только из двух или трех фраз: «голова не покрыта, а груди голы <...> фота на голове, а другая же на гузне <...> голова не покрыта, а сосцы голы <...> ходят наги до семи лет, сором не покрыт» [22, с. 35]. Или: «да на шеях жемчугу много да яхонтов, да на руках обручи да перстни златы» [22, с. 40]. Или же: «да фота по плечем, да другою ся опояшетъ, а третью голову увертитъ» [22, с. 36].

Воины тоже описывались однообразно, обычно из трех коротких фраз: «все наги и боси, да щит в руце, а в другой мечъ» [22, с. 37]. Или: «нагим все, одно платище на гузне, сором завешен» [22, с. 45].

Богатые индийские шествия Афанасий описывал подробнее, но так же деловито, опять-таки о каждом предмете — по одной фразе: «да на салтане кавтан весь сажен яхонты; да на шапке чичяк (*шишак в виде цветка*) олмаз великий; да саадак золот съ яхонты; да три сабли на нем золотом окованы; да седло золото; да снасть золота» [22, с. 45]. Это не столько литературное описание, сколько деловая опись ценностей.

Точно так же Афанасий документировал индийские строения и статуи. Достаточно лишь одного примера: «бут (*Будда*) вырезан ис камени ис черного, велми великъ; да хвостъ у него через него; да руку правую поднятъ высоко да простеръ ее <...>; а в левой руце у него копие; а на нем нет ничего, а гузно у него обязано ширинкою; а видение обезьянино» [22, с. 39].

Погоду Афанасий отмечал так же кратко, каждый раз только двумя фразами: «есть солнце варно, человека сожжетъ» [22, с. 35]; «еже-день и ночь 4 месяцы всяда вода да грязь» [22, с. 36]; «варно да ветръ бываетъ <...> душно велми да парище лихо» [22, с. 45]; «ветръ нас стречает злый, не дасть нам по морю ходити» [22, с. 50].

Даже редкие фантастические сведения Афанасий излагал в той же лаконичной деловой манере, — каждый эпизод только из двух фраз: «Есть <...> птица гукукъ: летает ночи, а кличетъ: “кукъ-кукъ”; а на которой хороmine сидит, то тут человекъ умреть; и кто хочет ея убити, ино у ней изо рта огонь выйдетъ» [18, с. 38].

Как известно из летописного предисловия к «Хождению» Афанасия Никитина, его записки сразу же были вставлены в летопись, вероятно, в летописный свод 1480-х гг. Но почему сразу в летопись? Одна из причин, и отнюдь не из маловажных, заключалась в том, что стиль Афанасия Никитина был очень сходен со стилем летописным, с летописной манерой изложения фактов. Вот, например, как во «Львовской летописи» под 1575 г. непосредственно перед «Хождением» Афанасия Никитина сообщалось об итальянских изделиях и строительной деятельности итальянского мастера Аристотеля Фиораванти. Те же «двухфразные» характеристики. Изделие: «блюдо же, деи, медяно, да на четырехъ яблокахъ медяныхъ; да сукно на немъ, яко умывалница, яко же оловеничнымъ делом» [17, с. 301]. И далее о строительной технике тоже «двухфразные» подробности: «да известъ не клеевита, да камень не твердъ <...> известъ же густо мотыгами повеле мешати, яко на утрие засохнуть, то ножемъ не мощи розколупати <...> известъ же, какъ тесто густое, растворяше, а мазаше лопатками железными» [17, с. 301].

Недаром «тетрати» Афанасия Никитина были определены в летописном предисловии как «писание» [22, с. 33]. Да и сам Никитин не называл свое «писание» хождением как жанр, а лишь обозначил содержание своих записей: «Се написах свое грешное хождение за три моря» [22, с. 33]. Вряд ли в виде заголовка могло мыслиться уничижение: «грешное хождение».

Из приведенных наблюдений следует, что Афанасий Никитин не был простецом в русской деловой письменной речи и не писал абы как. Об его языковой опытности свидетельствует его владение «тюркской» торговой и эмоциональной речью.

Но Индией тверской купец остался резко недоволен.

«Луцидариус»

В «Луцидариусе», переведенном в первой трети XVI в., есть сравнительно большой отрывок об Индии, а именно о многообразных народцах, обитающих в ее разных частях. Их облик и обычаи физически безобразны. Вот пример из Сокращенной редакции «Луцидариуса» (по классификации А.А. Архангельского; по списку начала XVII в. ГИМ, Синод. собр., № 785): «земля Индея <...> те люди не ядят иного, кроме животных сырых мясь и человеческих мяс же <...> есть люди в высоту токмо двух лакоть <...> веку ихъ толко 8 лет <...>.

В другой Индеи есть люди <...> в высоту 12 лакотъ <...>. Блис тое есть другая страна, в ней же люди <...> имеют огонь великъ и, егда прийдут в миръ, зажигают. Тамо же еще иная страна, в ней же суть люди, иже состареются отцы и матери их, и оне убиваютъ ихъ и, сваривъ, снедаютъ <...>. Тамо ж есть люди близъ тех, иже ядят сырую рыбу и пьют сланого моря воду. В тои же земли есть люди, им же пятаы превращены на предъ и имеют по осмѣнацети перстовъ у рукъ и у ногъ, и главѣ имъ, яко пессии, и ногти велики остры, ими же дивиих зверей отгоняют от себе и лают, яко псы. Тамо же есть жены, оже ражают единого чрева 15 детей и, егда состареются, черны бываютъ. Тамо же есть люди <...> имеютъ едино око. Тамо же близ тех людей люди <...> имеютъ у себе едину ногу и рыщутъ толь быстро, елико птица летает; егда ж где сядет, покрывается весь своею ногою. Тамо же есть люди <...> не имеют главъ у себе, им же стоят очи в плечах; и вместо устъ и носа имеютъ две дыры на персехъ. Тамо же есть люди <...> егда кто от нихъ смрадную воню обоняет, тогда скоро умираетъ» [18, с. 47–48].

Это античеловеческий мир: все или уроды, или человекообразные существа, или полуживотные. Звери в Индии тоже фантастически уродливы, а некоторые человекообразны: «Тамо же есть животное некое <...> ему же глава, яко человеку, а все тело по подобию лвову <...> а ясть человеческое мясо» [18, с. 49] и пр. Больше в «Луцидариусе» нет обзора людей других стран. Индия примечательна и индивидуальна именно странными людьми.

В обширной редакции «Луцидариуса» (по списку XVII в. РНБ, Соловецк. собр., № 350/261) и в Особой редакции «Луцидариуса» (по списку 1700 г. РГБ, собр. В.М. Ундольского, № 548) рассказ об индийцах такой же, как приведенный выше.

«Космография» в 76 главах

Ограничимся только одной «Космографией» из многих. «Космография» в 76 главах (по Холмогорскому списку 1670 г. ГИМ, Синод. собр., № 127–77) в главе 68 «О Индийскомъ государстве» довольно много рассказывает об Индии, притом большинство сообщаемых сведений вполне реальные или правдоподобные, и взяты они из «Космографии» Герхарда Меркатора в русском переводе около 1637 г. В конце этой главы об Индии Меркатор прямо настаивал: «Многие о Индии пишут баснословие, и я о том умолчу» [12, с. 370]. Однако в редких

случаях в «Космографию» все-таки прокрались сообщения об Индии явно фантастические. Речь идет о необычно крупных и гигантских животных: «Псы таковы велики, жестоки и люты — одинъ песь лва одолеваетъ» [12, с. 362]; «угры-рыба, долгота ея 300 ногъ <...> есть некое животно <...> те воходятъ из реки, на берегах хватаютъ слоновъ, и вволакиваютъ в реку, и в реке ядятъ слоновъ <...> киты свыше меры велики <...> и поднимаютъ корабли на себе, иногда заливаютъ и потопляютъ» [12, с. 366]. Фрукты в Индии тоже огромные: например, «яблока висятъ толсто, аки бревно» [12, с. 367].

Всё это напоминает старую гиперболическую фантастику «Хроники» Георгия Амартола и «Александрии». Меркатор тут действительно ссылался на древних авторов. Но почему же в этих случаях он не «умолчал» о явном «баснословии»? Меркатор создал свою «Космографию» в 1589 г., и для Западной Европы XVI в. подобное «баснословие» простиительно.

Русская же «Космография» в 76 главах, по датировке Н.В. Чарыкова, была составлена столетием позже, не ранее 1655 г. и не позднее 1667 г. в Москве. Неизвестный составитель «Космографии» в 76 главах перерабатывал свои источники, однако «баснословие» оставил: возможно, потому, что целыми кусками вставлял сведения Меркатора в свою «Космографию». Но, вероятно, еще и оттого, что страшные земные миры не противоречили представлению этого составителя о «многомятежных жизни сея», о чем он и рассуждал в своем заключении — в «Слове совершителном книги Географии» [12, с. 449].

Повесть о Еруслане

Из нескольких редакций этого произведения (по классификации Л.Н. Пушкирева) рассмотрим тему Индии в двух наиболее интересных редакциях XVII в. В так называемой Восточной редакции повести по списку первой половины XVII в. РГБ, собр. В.М. Ундольского, № 930, л. 1–51 («Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазоревиче») богатырь совершает свое предпоследнее путешествие или поход — в «Индийское царство».

Конечно, это фантастическая, но больше приключенческая Индия, что видно по типичному приключенческому сюжету рассказа. Вначале Индия совсем неблагополучная страна. Граница страны не защищена: «индейского царя сторож», который должен охранять вход

в Индию, «на индейскомъ рубеже <...> спит на коне, подперся копьем <...> человекъ спит, не подвинетца с места» [19, с. 111, 121]. Само царство обезлюдело: в озере живет змий «о трех головах», «выходит <...> из тово озера <...> и емлет <...> на всякой день по человеку <...> что было богатырей и удалых людей, и <...> техъ всех богатырей прибил, а полцарства выел <...> в царстве добрых людей не осталос» [19, с. 123]. Даже сам «царь заплакал» [19, с. 123].

Но оканчивается все благополучно: появляется Уруслан; «царь индейской с радостию Уруслана принимает» [19, с. 122]; Уруслан, хоть не без труда, убивает водяного змия, который тоже был похож на богатыря: этот змий «крикнул богатырскимъ голосом» [19, с. 124], почему-то оказался на коне и руками хватал Уруслана. После убийства змия «царь индейской учал радоватися» и успокоился: «Поживем мы топерво бескурчинно» [19, с. 124].

На том приключения не заканчиваются. В царстве обнаруживают-ся две ценности. Во-первых, «есть <...> у индейского царя доч, красная царевна, нет такие красавицы и во всей подсолнечной земли» [19, с. 121]. Во-вторых, Уруслан в озере «нашел на дне камен <...> ажно камен добре дорогъ, и во всемъ Индейском царстве такова камени нетъ, и цены ему никто не может уставити» [19, с. 124].

Апофеоз: «И велеть индейской царь свадьбу играти» своей дочери и Уруслана [19, с. 124]; «тот камен камен на руку» будет возложен сыну Уруслана [19, с. 125]; а «царь индейской учинился рад добре» [19, с. 128].

Интересно, что в данной рукописи сразу после повести на л. 51 об.–52 об. почерком начала XVIII в. (?) написано благочестивое рассуждение — «изящны словеса» — по поводу «Сказания об Уруслане», подтверждающее приключенческий характер всего «Сказания»: «симъ всемъ время и *случай*» [14, л. 51 об.]; «всякой время и *случай* управляетъ и соизволяетъ» [14, л. 52]. «Случай» в те времена означал «приключение, происшествие».

Добавим, что в «Сказании об Уруслане» из многих царств, посещенных Урусланом, описывалась жизнь только Индийского царства. Именно Индия, пусть и условная, была интересна составителю «Сказания о Еруслане».

Обратимся к другой редакции «Повести о Еруслане» — к полной сказочной редакции повести по списку 1710-х гг. РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1773 («Похождение о храбрости <...> Еруслана Лазареви-

ча»). Индия стала смехотворной. Сторож «под Индейским царствомъ у царя Долмата» походил на пугало: «ажно в чисте поле стоитъ человекъ, копьемъ подпершись, во япанче (*плаще с капюшоном*), шляпа на немъ сорочинская (*колпак*), и, стоячи, дремлетъ» [15, с. 310]. А индийский царь оказался трусом: испугался, что Еруслан задумал «царствомъ завладеть <...> и узнать Еруслонъ Лазаревичъ, что его царь убоялся <...> и поехалъ Еруслон из града вонъ. И царь <...> повеле градныя врата затворити и утвердить, чтобы Еруслон назад не воротился» [15, с. 312].

Общий вывод таков: с XI по XVII вв. в литературных произведениях Древней Руси Индия, как фантастическая или условная, так и реальная, с предметно-изобразительной точки зрения представлялась крайне опасной, неприятной и неуютной страной, несмотря на ее подавляющее каменное и фруктовое-овощное богатство. Так и должно было быть: ведь Индия находилась ближе всех к земному раю и наряду с другими бесчеловечными объектами у рая преграждала к нему путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Бобров А.Г. «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2008. Т. 59. С. 264–292.
- 2 Вигасин А.А. Изучение Индии в России: (очерки и материалы). М.: Степаненко, 2008. 537 с.
- 3 Свиридова Л.О. Утопический образ Индии в древнерусских письменных памятниках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, № 1. С. 107–113.
- 4 Сперанский М.Н. Индия в старой русской письменности // Сергею Федоровичу Ольденбургу... Сб. ст. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 463–469.
- 5 Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.): Источниковедческие проблемы. М.: Наука, 1988. 333 с.

Источники

- 6 Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / текст памятника подгот. Я.С. Лурье и О.В. Творогов. М.: Наука, 1965. 269 с.
- 7 Великие минеи чети: Октябрь, дни 4–18. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1874. 383 с.
- 8 Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Унив. тип., 1893. VIII, 362, II, 356 с.
- 9 Истрин В.М. Сказание об Индейском царстве: Исследование с 3 прил. и фот. табл. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 75 с.

- 10 Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия-мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг.: Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1920. Т. 1. 612 с.
- 11 Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. подгот. В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997. 774 с.
- 12 Космография 1670 года / изд. подгот. А.П. Крыжин и П.Н. Тиханов. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1878–1881. 604 с.
- 13 ОР РГБ. Ф. 113: Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря. № 309. 350 л. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/113/f-113-309> (дата обращения: 15.01.2022).
- 14 ОР РГБ. Ф. 310: Собрание рукописных книг В.М. Ундольского. № 930. 53 л. URL: lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-930 (дата обращения: 12.01.2022).
- 15 Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая / вступ. ст. Д. Лихачева, сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. 704 с.
- 16 Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / АН СССР, Библиотека; подгот. текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой; отв. ред. О.В. Творогов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 296 с.
- 17 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 1 / под ред. С.А. Адрианова. 418 с.
- 18 Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности. М.: Тип. Грачева, 1859. Т. 1. Отд. II. С. 33–67.
- 19 Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности. М.: Тип. Грачева, 1859. Т. 2. Отд. II. С. 100–128.
- 20 Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб.: Тип. Каткова, 1863. Т. 2. С. 78–81.
- 21 Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М.: Наука, 1971. 769 с.
- 22 Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1472–1476 гг. / отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц; ред. изд-ва А.А. Воробьева; подгот. к печати Я.С. Лурье. 2-е изд., доп. и перераб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.

REFERENCES

- 1 Bobrov, A.G. “Skazanie ob Indiiskom tsarstve’ v versii Efrosina Belozerskogo” [“The Tale of Indian Kingdom’ in the Version of Euphrosyn Belozersky”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 59. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 264–292. (In Russian)
- 2 Vigasin, A.A. *Izuchenie Indii v Rossii: (ocherki i materialy)* [Studying India in Russia: (Essays and Materials)]. Moscow, Stepanenko Publ., 2008. 537 p. (In Russian)
- 3 Sviridova, L.O. “Utopicheskii obraz Indii v drevnerusskikh pis’mennykh pamiatnikakh” [“Utopian Image of India in Old Russian Manuscript Monu-

- ments”]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 9, no. 1, 2008, pp. 107–113. (In Russian)
- 4 Speranskii, M.N. *Indiia v staroi russkoi pis'mennosti* [India in Old Russian Writing]. *Sergeiu Fedorovichu Ol'denburgu... Sbornik statei* [To Sergei Fedorovich Oldenburg... Collection of Articles]. Leningrad, AS USSR Publ., 1934, pp. 463–469. (In Russian)
- 5 Shokhin, V.K. *Drevniaia Indiia v kul'ture Rusi (XI — seredina XV v.): Istochniko-vedcheskie problem* [Ancient India in the Culture of Rus' (11th — the Middle of the 15th Century): Source Studies Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 333 p. (In Russian)

***

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Information about the author: Anatoly S. Demin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

***

Для цитирования: Демин А.С. Индия в древнерусской литературе // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 197–215. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-197-215>

© 2022, А.С. Демин

For citation: Demin, A.S. “India in Old Russian Literature.” *Ger-menevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 197–215. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-197-215>

© 2022, Anatoly S. Demin